

ЛАНДШАФТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ГЕОГРАФИИ)

© 2024 Р. О. Поплавский^{1,*}, Ф. С. Корандей^{2,**}, М. С. Черепанов^{1,***}

¹Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, Тюмень, Россия

²Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

*e-mail: roman.poplavskiy@gmail.com

**e-mail: f.s.korandej@utmn.ru

***e-mail: maximcherepanov@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.04.2023 г.

После доработки 29.10.2023 г.

Принята к публикации 26.12.2023 г.

В статье характеризуются актуальные подходы, применяемые при исследовании религиозных явлений в контексте ландшафтной концепции. Авторы выявляют сходства и различия трактовок наиболее распространенных в зарубежных исследованиях терминов описания религии. Показано, что их смысловое различие задается, главным образом, использованием в качестве инструментария либо культурной географии, сфокусированной на материальности и географическом распределении объектов культурного ландшафта, либо социальной антропологии, в оптике которой оказываются специфика дискурсов и практик населяющих его религиозных групп, понимание социальных процессов, формирующих современный мировой ландшафт. Термин “религиозный ландшафт” (*religious landscape*), в зависимости от дисциплинарной операционализации, используется в трех основных значениях. Во-первых, под ним понимается совокупность материальных объектов, связанных с религией. Во-вторых, совокупность мест, где проводятся ритуалы. В-третьих, территория проживания приверженцев тех или иных религиозных традиций. Под термином *religioscape* чаще всего понимается конфликтная или комплементарная ситуация взаимодействия приверженцев разных религий, разделяющих одно и то же пространство. Понятие “сакральный ландшафт” (*sacred landscape*) иногда выступает в качестве синонимичного термину *religious landscape*, и тогда под ним понимается совокупность религиозных материальных объектов, иногда означает совокупность мест или объектов поклонения природного характера (гора, холм, болото и т.д.), общую основу разнообразных частных “религиозных ландшафтов”, вырастающих на этой почве. Под термином *sacroscape* понимается историческая совокупность материальных проявлений религиозности, влияющая как на современных людей, так и на современную земную поверхность. Термин “духовный ландшафт” (*spiritual landscape*), во-первых, используется в качестве синонима *religious landscape* и *sacred landscape*. Во-вторых, под ним понимается более широкий, обобщающий термин, описывающий все аспекты взаимодействия человека (идеи, объекты, практики) со сверхчувственным миром. В-третьих, используя этот термин, имеют в виду пространства, включающие в себя не только ритуальные, но и повседневные практики.

Ключевые слова: ландшафтная концепция, культурный ландшафт, религиозный ландшафт, сакральный ландшафт, духовный ландшафт

DOI: 10.31857/S2587556624010086, **EDN:** GKZPUZ

ВВЕДЕНИЕ

“Пространственный поворот” в социальных науках второй половины XX в. отразился и на исследовании религий. П. Деффонтен в статье 1953 г. называл религию одним из факторов формирования и изменения ландшафта, которому она зачастую придавала его уникальные черты (Deffontaines, 1953, p. 27–28). Позже мнения о том, что религия может изучаться с точки зрения географии, высказывали и другие авторы [см., на-

пример, (Büttner, 1980, p. 102; Fickeler, 1962, p. 94)]. В 1980-е годы о географии религии писали, как об отдельном исследовательском поле, в котором изучается процесс взаимного воздействия религий и ландшафта (Levine, 1986, p. 428).

В начале 1990-х годов К. Парк уделил особое внимание корпусу работ, посвященных взаимодействию религии и ландшафта (Park, 1994), описывая основные тенденции развития географии религии за последние 30 лет ее существования. Он отмечал, что исследователи, главным

образом, обращали внимание на то, как религиозные убеждения влияют на архитектуру, облик местности, формы и функции поселений, топонимику и выбор культового места (Park, 1994, p. 199–209, 215–217, 241–243), и на то, как основные ландшафтные факторы влияли на специфику локальных ритуалов (Park, 1994, p. 95–96, 199).

С середины 1990-х годов тема взаимосвязи религий и ландшафтов становится еще более востребованной. Так, один из выпусков журнала *Anthropological Forum* (2009, Vol. 19, № 3) был посвящен духовным ландшафтам Азии; в рамках серии *Bloomsbury Studies in Material Religion* публиковались монографии о “феноменах материальности, при помощи которых люди практикуют религию, и том, как эти феномены – географические объекты, здания, ландшафты – связаны с людьми, их телами, одеждой, едой, действиями, мыслями и эмоциями” [см. описание серии в книге (Gunzburg and Brady, 2021; здесь и далее перевод цитат наш – Р.П., Ф.К., М.Ч.)]. Эта тема активно обсуждалась на таких конференциях, как “Ландшафты и пространства обновления: уединение, отдых, паломничество” (Сиэтл, 2011); “Сакральные ландшафты: создание, трансформация, манипуляция” (Лампетер, 2014). Расширились тематика и терминология исследований, предлагались новые подходы анализа религиозных ландшафтов (Kong, 2001, 2010).

Данная статья представляет собой очерк современного состояния ландшафтных подходов в географии религий, содержания исследовательских терминов и характерных для них акцентов.

В первую очередь, мы обратились к обзорным работам, подготовленным такими экспертами в этой области, как К. Парк (Ланкастер, Великобритания) (Park, 1994), Л. Конг (Сингапур) (Kong, 2001, 2010), Дж. Хальгрэн Кильде (США) (Kilde, 2022). Дальнейший поиск выявил работы с набором характерных терминов: *religious landscape*, *religioscape*, *sacred landscape*, *sacroscapes* и *spiritual landscape*. Наша статья проясняет эти широко используемые в современной географии религий термины.

В силу ограниченного объема мы преимущественно сосредоточились на англоязычном международном мейнстриме географии религий. При этом, несмотря на то, что в современной российской науке наблюдается недостаток работ по географии религий (Горохов, 2014, с. 21–22; Streletsky and Gorokhov, 2022, p. 72), было бы несправедливо не упомянуть отечественных исследователей, предложивших оригинальный вклад, важный для всей области. Здесь должна быть упомянута обращающаяся к исследованию ритуально-процессуального аспекта сакральных пространств концепция иеротопии А. Лидова (Иеротопия ..., 2009), отмечены тео-

ретические разработки С. Горохова (2019), эмпирические работы Д. Сидорова (Sidorov, 2014) и Е. Островской и Е. Алексеевой (2018), конференции, посвященные исследованию религиозных ландшафтов, например, “Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность” (Оренбург, 2013). Вклад российских исследователей заслуживает отдельной публикации и остается за пределами этой работы.

Существующее в исследованиях религии разнообразие точек зрения по поводу термина “ландшафт” с известной долей обобщения может быть сведено к нескольким стандартным для области терминам.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ

Religious landscape

В англоязычном дискурсе наиболее употребительным является термин *religious landscape*, т.е. *религиозный ландшафт*. Обычно при его использовании на передний план выходят совокупность физических объектов; либо совокупность мест, где проводятся ритуалы; либо территория проживания приверженцев одной или нескольких религиозных традиций.

В современном употреблении понятие *religious landscape* восходит к инструментарию культурной географии, и, как правило, отсылает к концепции культурного ландшафта с характерной для нее диалектикой материального и культурного. Так, классик американской культурной географии У. Зелински, эссе которого построено на визуальном анализе повседневных ландшафтных объектов, связанных с религией, с самого начала полагает эти совокупности объектов “чрезвычайно богатым хранилищем культурных данных” (Zelinsky, 2001, p. 565). Представители такого подхода анализируют материальное: мечети и медресе (Moazzen, 2018; Koch, 2018, p. 184), богослужебные здания квакеров и особенности доступа к ним (Chenoweth, 2019), религиозные памятники (Такахаси, 2008), кладбища (Setiadi, 2014), “учреждения, относящиеся к церкви” (*church-related enterprises*): похоронные бюро, религиозные магазины, школы, дома престарелых, детские сады, больницы, религиозные плакаты и придорожные щиты (Zelinsky, 2001, p. 565, 567–568), а также места альтернативной религиозности (дома гадалок, духовного развития и т.п.) (Navlíček and Klingorová, 2017, p. 10) – как ключ к географическому разнообразию социально-культурного, прежде всего к опыту местных религиозных общин и традиций (Scheitle and Finke, 2012, p. ix).

Акцент на материальности, свойственный этому подходу, поднимает вопросы методологического характера. Какие культовые места должны, а какие не должны приниматься в расчет?

Почему включение одних объектов существенно для анализа, а других — нет? Видимых проявлений религиозного ландшафта может быть множество: придорожные кресты, священные захоронения, символы от сглаза на автомобилях и зданиях, деревья у священных мест с повязанными на ветках лентами и т.д. Как быть с анализом невидимых глазом, но фактически не менее “материальных”, чем вышеперечисленные, характеристик религиозного ландшафта, таких как величина прихода, его демографические характеристики, расположение культового объекта в городском пространстве [см. например (Островская, Алексеева, 2018; Поплавский, 2022)]. Сюда же относятся проблемы статуса и функционирования объектов. Являются или нет объектом религиозного ландшафта кладбища? Чем отличаются в ландшафтном смысле функционирующая и заброшенная церкви? Очень часто акцент на “визуальном религиозном ландшафте” (Zelinsky, 2001, p. 565) не позволяет уловить эту разницу.

Вместе с тем далеко не все исследователи, использующие термин “религиозный ландшафт”, склонны помещать его в “стабильный” монокультурный контекст. Прежде всего, это касается тех, кто понимает религиозный ландшафт как совокупность процессуальных ритуальных мест и пространств. Например, К. Ваннер описывает город как совокупность традиционно профанных и ритуальных мест и превращение первых во вторые за счет выхода религиозных практик на улицы (Ваннер, 2015, с. 230). Монография о религиях Шанхая определяет религиозный ландшафт как «сеть священных мест, которые “активируются” ритуалами» (Vermander et al., 2018, p. 14), обращая внимание также на третий элемент религиозного ландшафта города — межобщинные, общинно-административные и индивидуальные сети взаимодействия верующих между собой. В результате изменения этих элементов меняется и ландшафт: выбираются новые места для проведения ритуалов, формируются сети, складываются новые ритуалы (Vermander et al., 2018, p. 14–15).

Авторы, работающие в рамках секулярной и постсекулярной парадигм, как правило, понимают под религиозным ландшафтом территорию проживания приверженцев одной или нескольких религиозных традиций. Для них характерен интерес к росту религиозного разнообразия и трансформациям религиозности в ситуации свойственных глобальному миру мобильности и детерриториальности (Obadia, 2015, p. 215). В этих исследованиях религиозный ландшафт отдельного региона, страны или мира

описывается с точки зрения сосуществования приверженцев разных религиозных традиций и тех, кто не относит себя к какой-либо из них; темпов и механизмов их прироста; меняющихся демографических показателей; трансформации религиозных практик; увеличения религиозного разнообразия (America’s Changing Religious Landscape¹; Furseth, 2018; Hackett and Stonawski, 2017; Inniger, 2020; Knippenberg, 2005; Peres Prieto et al., 2018).

“Процессуальное” и “глобализационное” прочтения термина “религиозный ландшафт” актуализируют его динамическую социопространственную природу: места понимаются как священные в зависимости от того, проводятся или нет в них ритуалы. С точки зрения свойственных для них социологических и антропологических подходов эти исследования можно отнести к традиции проживания ландшафта. В рамках этого направления становится возможным анализ религиозного опыта на уровне малых групп и индивида (Горохов, 2019, с. 439).

Relioscape

Генеалогия этого термина восходит к постмодернистской социальной антропологии, и исследовательский интерес использующих его авторов направлен не столько на материальность и географическое распределение объектов культурного ландшафта, сколько на “субъективную” специфику дискурсов и практик населяющих его религиозных групп, на понимание социальных процессов, формирующих современный мировой ландшафт. Впервые термин *relioscape* был предложен Р. Дуайер (Dwyer, 2004) с отсылкой к термину *ethnoscape* А. Аппадурай (Appadurai, 1997), который обычно переводят на русский язык как этнопейзаж или этноландшафт. Таким образом, *relioscape* обращает внимание читателя, прежде всего, на процессы глобализации в сфере религии. Практически в то же время, в 2005 г., термин *relioscape* употребила Э. МакАлистер, писавшая о “субъективных религиозных картах <...> мигрантов, диаспор и транснациональных сообществ” (McAlister, 2005, p. 251). В ее исследовании *relioscape* предстает в постмодернистском измерении религиозного процесса, глобализированным мультирелигиозным пространством, по-разному воспринимаемым, интерпретируемым и картируемым разными сообществами, пространством неизбежных соотязательности и конфликта.

В похожем смысле, с точки зрения описания отношений конкуренции в поле “глобального

¹ America’s Changing Religious Landscape, 2015. <https://www.pewresearch.org/religion/2015/05/12/americas-changing-religious-landscape/> (accessed 18.08.2022).

рынка религиозности” термин *religioscape* употреблял и Б. Тернер (Turner, 2008, p. 213). Он отмечал, что термин “может быть использован для описания глобального потока религиозных идей и практик, который порождает глобальную религию, глобальные обмены и локальное сопротивление”. Религии в таком глобальном религиозном ландшафте становятся феноменом мобильного нового среднего класса и адаптируются к его потребностям (Turner, 2008, p. 219).

Р.М. Хейден и Т.Д. Уокер в статье 2013 г. развивают термин *religioscape* со ссылкой на Э. МакАлистер и Б. Тернера. В их работе термин употреблен с акцентом на материальности ландшафта, характерным для американской культурной географии. Хейден и Уокер выделяют два элемента *religioscape*: материальные объекты, воплощающие собой определенные религиозные традиции, и создающее эти объекты население. При этом речь идет о пространстве, которое делят между собой несколько религиозных традиций (Hayden and Walker, 2013, p. 399–400). Непрактикуемые ныне религиозные традиции не являются частью современного религиозного ландшафта (Hayden and Walker, 2013, p. 407).

Дальнейшее развитие термин получает в работах Дж.Х. Кильде (Kilde, 2022). Она применяет термин *religioscape* для описания взаимодействия и интеграции религиозных общин в плюралистическом обществе (Kilde, 2022, p. 101).

САКРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

Sacred landscape

Переходя к термину “сакральный ландшафт”, мы, в первую очередь, задаемся вопросом о различиях между ним и термином “религиозный ландшафт”. И действительно, некоторые исследователи не проводят между ними различий [см., например, (Jiménez-Higueras, 2020; Pluskowski et al., 2018, p. 4–6)], что, вероятно, свидетельствует о том, что этот термин тоже восходит к “объективистской” (ландшафт как местность) и “экспертно-аналитической” (“чтение ландшафта”) оптикам, свойственным для классической культурной географии.

Однако существуют и иные трактовки термина. В книге Дж. Робсона о религиозных ландшафтах Китая заметно различие между “религиозным ландшафтом” и “сакральным ландшафтом”. Под “сакральным ландшафтом”, или “географией” автор понимает элементы природного ландшафта, вокруг которых с течением времени складывались традиции поклонения, термин “религиозный ландшафт” описывает отдельные религиозные традиции, в комплементарном или конфликтном духе разделявшие между собой или оспаривавшие элементы ландшафта сакрального (Robson, 2009,

p. 4, 42, 47, 77). В работах Н. Пенника (Pennick, 1996, p. 6–10) и Я. Му (Mu et al., 2019, p. 1) мы встречаем представление о сакральном ландшафте как совокупности природных объектов, связанных с божествами, легендами, духами и предками. Отметим важность исторического подхода для подобных исследований.

Sacroscape

Как и Р. Дуайер (см. выше), Т. Туид предложил в 2008 г. термин *sacroscape*, имея в виду концепцию *ethnoscape* А. Аппадурай (Appadurai, 1997). Термин Туида одновременно историчен и географичен (Tweed, 2008, p. 64). Оба термина (*religioscape*, по Дуайер, и *sacroscape*, по Туиду) предполагают, что религии находятся в постоянном движении. Однако туидовский *sacroscape* фокусируется не на современном взаимодействии религиозных традиций, а на историческом аспекте этого взаимодействия, в ходе которого религии “оставили на земле следы, преобразившие людей и места, социальные комплексы и участки земной поверхности” (Tweed, 2008, p. 61–62). Таким образом, исследования феномена *sacroscape* имеют тенденцию к тому, чтобы рассматривать ландшафт в его “антикварном”, а не актуальном состоянии [см., например, (Anttonen, 2013, p. 15–16; Hadži Muhamedović, 2018, p. 59–60)]. Если согласиться с мнением о том, что пути развития религии “определяет вовсе не ее прошлое — религиозно-культурное наследие, пусть и сакрализованное, а потребности современных адептов” (Горохов, 2014, с. 28), то термин *religioscape* в интерпретации Р. Дуайер в большей мере пригоден для анализа ландшафтов современности.

ДУХОВНЫЙ ЛАНДШАФТ

Чаще всего под “духовным ландшафтом” имеется в виду широкое понятие, включающее в себя все, относящееся ко взаимодействию со сверхчувственным миром: религиозные и паранормальные феномены, синкретизм, альтернативные медицинские и духовные практики (Catherine, 2019, p. 1, 6). К. Аллертон использовала термин “духовный ландшафт” для демонстрации связи “между духовными сущностями/могущественными силами и конкретными местами в ландшафте, включая деревья, горы и реки” (Allerton, 2009, p. 235). Такая трактовка, казалось бы, совпадает с упомянутым выше распространенным значением термина “сакральный ландшафт”, но К. Аллертон внесла в него некоторые уточнения. С ее точки зрения, сакральный ландшафт оторван от повседневной жизни. Это место поклонения и ритуала. Духовный ландшафт, в свою очередь, — это народный ландшафт, наполненный не только

ритуальными, но и повседневными действиями людей, живущих там. Кроме того, духовный ландшафт не обязательно религиозен (Allerton, 2009, p. 238), и за ним сохраняется духовная функция, даже если люди покидают привычное место жительства (Allerton, 2009, p. 237).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Религиозный ландшафт”, “сакральный ландшафт” и “духовный ландшафт” – не единственные термины, употребляющиеся для описания взаимосвязи ландшафта и религии. Некоторые исследователи используют более узкие термины, фокусируясь на конкретной религиозной традиции. Так, выделяются православный (Sidorov, 2014), исламский (Бобров, Черепанов, 2019), католический (Bovensiepen, 2009, p. 328–329) и другие ландшафты. Ряд исследователей предлагает такие термины, как “ритуальный ландшафт” (Broda et al., 2001), “церковный ландшафт” (*churchscape*) (Miles–Watson, 2021) и “соборный ландшафт” (*cathedralscape*) (Miles–Watson, 2021). Кроме того, в целях детального описания сенсорной и телесно-воплощенной составляющих религиозного ландшафта выделяются звуковые (*soundscape*), визуальные (*visionscape*), тактильные (*touchscape*), ароматические (*smellscape*) и вкусовые (*tastescapes*) ландшафты (Gunzburg and Brady, 2021).

Тем не менее, наиболее распространенными в зарубежных исследованиях терминами являются “религиозный ландшафт”, “сакральный ландшафт” и “духовный ландшафт”. Каждый из них, в свою очередь, может иметь более одного значения, либо использоваться по отношению друг к другу в качестве синонима. Как представляется, смысловое различие данных терминов задается, главным образом, их использованием в качестве инструментария либо культурной географии, сфокусированной на материальности и географическом распределении объектов культурного ландшафта, либо социальной антропологии, в оптике которой оказываются специфика дискурсов и практик населяющих его религиозных групп, понимание социальных процессов, формирующих современный мировой ландшафт.

Наиболее распространенный термин может быть переведен на русский язык как “религиозный ландшафт” (*religious landscape*; *religioscape*). Термин *religious landscape* обычно используется в трех основных значениях. Во-первых, под ним понимается совокупность материальных объектов, связанных с религией. В этом случае исследователи, как правило, обращаются к анализу местоположений объектов, их внешнего вида и т.д. Во-вторых, под *religious landscape* понимается совокупность мест, где проводятся ритуалы. В этом случае исследователи концентрируют внимание не столько на описании физических

объектов, сколько на анализе процессуальности – действий и взаимодействий людей в местах проведения ритуалов. В-третьих, под термином понимается территория проживания приверженцев тех или иных религиозных традиций. Проводя анализ их численности, социально-демографических характеристик и географического распределения, исследователи стараются ответить на вопрос, как меняется религиозность в конкретных населенных пунктах, регионах, на мировом уровне. Под термином *religioscape* чаще всего понимается конфликтная или комплементарная ситуация взаимодействия приверженцев разных религий, разделяющих одно и то же пространство. В этом случае исследование, как правило, посвящено описанию картин мира сосуществующих и взаимодействующих сообществ, материальных и социальных последствий культурного разнообразия.

Существующий в русском языке термин “сакральный ландшафт” используется в англоязычной литературе в двух формах – *sacred landscape* и *sacroscapes*. Первый термин иногда выступает в качестве синонимичного термину “религиозный ландшафт”, и тогда под ним понимается совокупность религиозных материальных объектов, иногда означает совокупность мест или объектов поклонения природного характера (гора, холм, болото и т.д.), общую основу разнообразных частных “религиозных” ландшафтов, вырастающих на этой почве. Под термином *sacroscapes* понимается историческая совокупность материальных проявлений религиозности, влияющая как на современных людей, так и на современную земную поверхность.

Термин “духовный ландшафт” (*spiritual landscape*) имеет несколько основных значений. Во-первых, он используется в качестве синонима религиозного ландшафта (*religious landscape*) и сакрального ландшафта (*sacred landscape*). Во-вторых, под духовным ландшафтом понимается более широкий, обобщающий термин, описывающий все аспекты взаимодействия человека (идеи, объекты, практики) со сверхчувственным миром. В-третьих, используя термин “духовный ландшафт” имеют в виду пространства, включающие в себя не только ритуальные, но и повседневные практики.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-45-720004.

FUNDING

The research was funded by RFBR and Tyumen oblast, project no. 20-45-720004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров И.В., Черепанов М.С.* Исламский ландшафт Тюменской области: места, численность и социально-демографический состав городских молитвенных собраний // *Исламоведение*. 2019. № 4. С. 46–58. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-193-203>
- Ваннер К.* Новые религиозные движения и “альтернативная мораль” в Украине // *Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте*. СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 214–232.
- Горохов С.А.* Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2014. № 2. С. 21–30.
- Горохов С.А.* География религии в России и за рубежом: история развития и новые вызовы // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2019. № 3. С. 439–467. <https://doi.org/10.31857/s020596060005925-9>
- Иеротопия.* Сравнительные исследования сакральных пространств / под ред. А.М. Лидова. М.: Индрик, 2009. 372 с.
- Островская Е.А., Алексеева Е.В.* Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 2. С. 71–115. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.04>
- Поплавский Р.О., Черепанов М.С., Бобров И.В., Шишелякина А.Л.* Протестантский ландшафт Тюменской области: места, численность и демографический состав городских молитвенных собраний // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. 2022. № 2. С. 191–201. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-15>
- Такахаси С.* Образ религиозного ландшафта в СССР в 1965–1985 годы (на примере Соловецкого музея-заповедника) // *Вестн. Евразии*. 2008. № 4. С. 9–26.
- Allerton C.* Introduction: Spiritual Landscapes of Southeast Asia // *Anthropological Forum: A J. of Social Anthropology and Comparative Sociology*. 2009. Vol. 19. № 3. P. 235–251. <http://dx.doi.org/10.1080/00664670903278387>
- Anttonen V.* Landscapes as Sacrosapes: Why Does Topography Make a Difference. In: *Sacred Sites and Holy Places. Exploring the Sacralization of Landscape Through Time and Space* / S.W. Nordeide (Ed.). Turnhout: Brepols, 2013. P. 13–32.
- Appadurai A.* *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation*. Delhi: Oxford Univ. Press, 1997. 229 p.
- Bovensiepen J.* Spiritual Landscapes of Life and Death in the Central Highlands of East Timor // *Anthropological Forum*. 2009. Vol. 19. № 3. P. 323–338. <https://doi.org/10.1080/00664670903278437>
- Büttner M.* On the History and Philosophy of the Geography of Religion in Germany // *Religion*. 1980. Vol. 10. № 1. P. 86–119. [https://doi.org/10.1016/0048-721X\(80\)2990029-9](https://doi.org/10.1016/0048-721X(80)2990029-9)
- Chenoweth J.M.* Reconstructing a Changing Religious Landscape: The Material Traces of Barbados Quakers, 1655–1800 // *Int. J. of Historical Archaeology*. 2019. Vol. 23. № 2. P. 462–495. <https://doi.org/10.1007/s10761-018-0475-0>
- Defontaine P.* The Religious Factor in Human Geography: Its Force and Its Limits // *Diogenes*. 1953. № 1 (2). P. 24–37. <https://doi.org/10.1177/039219215300100203>
- Dunn K., Piracha A.* The Multifaith City in an Era of Post-secularism: The Complicated Geographies of Christians, Non-Christians and Non-faithful Across Sydney, Australia In: *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics* / S.D. Brunn (Ed.). NY: Springer, 2015. P. 1635–1654.
- Dwyer R.* The Swaminarayan Movement. In: *South Asians in the Diaspora: Histories and Religious Traditions* / K.A. Jacobsen, P.P. Kumar (Eds.). Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 180–199.
- Fickeler P.* Fundamental Questions in the Geography of Religions. In: *Readings in Cultural Geography* / M. Mikesell, P. Wagner (Eds.). Chicago: Chicago Univ. Press, 1962. P. 94–117.
- Furseth I., Ahlin L., Ketola K., Leis-Peters A.* Changing Religious Landscapes in the Nordic Countries. In: *Religious Complexity in the Public Sphere* / I. Furseth (Ed.). London: Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 31–80.
- Gunzburg D., Brady B.* *Space, Place, and Religious Landscapes: Living Mountains*. London: Bloomsbury Publ. Plc., 2021. 288 p.
- Hacket C., Stonawski M.* *The Changing Global Religious Landscape*. Washington: Pew Research Center, 2017. 45 p.
- Hadži Muhamedović S.* *Waiting for Elijah. Time and Encounter in a Bosnian Landscape*. NY and Oxford: Berhahn Books, 2018. 304 p.
- Hayden R., Walker T.D.* Intersecting Religioscapes: A Comparative Approach to Trajectories of Change, Scale, and Competitive Sharing of Religious Spaces // *J. of the American Academy of Religion*. 2013. № 81. P. 399–426. <https://doi.org/10.1093/jaarel/lft009>
- Havlíček T., Klingorová K.* City With or Without God? Features of Post-Secularism in Religious Landscape of Post-Communist Prague // *Social & Cultural Geography*. 2017. № 19 (6). P. 789–811. <https://doi.org/10.1080/14649365.2017.1312696>
- Inniger M.G., Vorster J.M., Rheeder R.* Changing Religious Landscapes Challenge Confession-Based State Policies on Religion. In *die Skriflig* / *In Luce Verbi*. 2020. Vol. 54. № 1. P. 1–10. <http://dx.doi.org/10.4102/ids.v54i1.2527>
- Jiménez-Higueras Á.* *The Sacred Landscape of Dra Abu el-Naga During the New Kingdom: People Making Landscape Making People*. Leiden: Brill, 2020. 304 p.
- Kilde J.H.* Thinking about Religious Space: An Introduction to Approaches. In: *The Oxford Handbook of Religious Space* / J.H. Kilde (Ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2022. P. 1–22.
- Koch N., Valiyev A., Zaini K.H.* *Mosques as Monuments: An Inter-Asian Perspective on Monumentality and*

- Religious Landscapes // *Cultural Geographies*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 183–199.
<https://doi.org/10.1177/1474474017724480>
- Kong L.* Mapping “New” Geographies of Religion: Politics and Poetics in Modernity // *Progress in Human Geography*. 2001. Vol. 25. № 2. P. 211–233.
<https://doi.org/10.1191/030913201678580485>
- Kong L.* Global shifts, theoretical shifts: changing geographies of religion // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. № 6. P. 755–776.
<https://doi.org/10.1177/030913251036260>
- La montaña en el paisaje ritual / J. Broda, S. Iwaniszewski, A. Montero (Eds.). México: Conaculta Inah, 2001. 488 p.
- Levine G.* On the Geography of Religion // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1986. Vol. 11. № 4. P. 428–440.
<https://doi.org/10.2307/621934>
- Maddrell A., della Dora V., Scafi A., Walton H.* Christian Pilgrimage, Landscape and Heritage: Journeying to the Sacred. NY: Routledge, 2015. 220 p.
- McAlister E.* Globalization and the Religious Production of Space // *J. for the Scientific Study of Religion*. 2005. Vol. 44. № 3. P. 249–255.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2005.00283.x>
- Miles-Watson J.* Christianity and Belonging in Shimla, North India. Sacred Entanglements of a Himalayan Landscape. New Delhi: Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.
- Moazzen M.* Formation of a Religious Landscape. Shi’i Higher Learning in Safavid Iran. Leiden: Brill, 2018. 304 p.
- Mu Y., Nepal S.K., Lai P.H.* Tourism and Sacred Landscape in Sagarmatha (Mt. Everest) National Park, Nepal // *Tourism Geographies*. 2019. Vol. 21. № 3. P. 442–459.
<https://doi.org/10.1080/14616688.2018.1558454>
- Obadia L.* Spatial Turn, Beyond Geography: a New Agenda for Sciences of Religion? // *Int. Review of Sociology: Revue Internationale de Sociologie*. 2015. № 2. P. 200–217.
<http://dx.doi.org/10.1080/03906701.2015.1039269>
- Park C.* Sacred Worlds. An Introduction to Geography and Religion. London: Routledge, 1994. 346 p.
- Pennick N.* Celtic Sacred Landscapes. London: Thames and Hudson, 1996. 224 p.
- Peres Prieto M.F., de Oliveira A.B., Leão F.C., Vallada H., Moreira-Almeida A., Lucchetti G.* Religious Landscape in Brazil: Comparing Different Representative Nationwide Approaches to Obtain Sensitive Information in Healthcare Research // *SSM – Population Health*. 2018. № 6. P. 85–90.
<https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2018.08.007>
- Pluskowski A., Valk H., Szczepański S.* Theocratic Rule, Native Agency and Transformation: Post-Crusade Sacred Landscapes in the Eastern Baltic // *Landscapes*. 2018. Vol. 19. № 1. P. 4–24.
<https://doi.org/10.1080/14662035.2018.1561009>
- Robson J.* Power of Place: The Religious Landscape of the Southern Sacred Peak (Nanyue) in Medieval China. Cambridge and London: Harvard Univ. Asian Center, 2009. 450 p.
- Scheitle C.P., Finke R.* Places of Faith. A Road Trip Across America’s Religious Landscape. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. 264 p.
- Setiadi H.* Islam and Urbanism in Indonesia: The Mosque as Urban Identity in Javanese Cities. In: *The changing world religion map: Sacred places, identities, practices and politics* / S.D. Brunn (Ed.). NY: Springer, 2015. P. 2415–2438.
- Sidorov D.* Changing Russian Orthodox Landscapes in Post-Soviet Moscow. In: *The changing world religion map: Sacred places, identities, practices and politics* / S.D. Brunn (Ed.). NY: Springer, 2015. P. 2453–2472.
- Streletsky V., Gorokhov S.* Cultural Geography in Russia in the Early 21st Century: Current State and Key Research Areas // *Reg. Res. of Rus.* 2022. Vol. 12. № 1. P. 67–79.
<https://doi.org/10.1134/S2079970522020083>
- The Changing Religious Landscape of Europe / H. Knippenberg (Ed.). Amsterdam: Het Spinhuis, 2005. 300 p.
- Turner B.S.* Religion and Politics: Nationalism, Globalisation and Empire // *Asian J. of Social Science*. 2008. Vol. 34. № 2. P. 209–224.
<https://doi.org/10.1163/156853106777371175>
- Tweed T.A.* Crossing and Dwelling: A Theory of Religion. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2008. 278 p.
- Vermander B., Hingley L., Zhang L.* Shanghai Sacred: the Religious Landscape of a Global City. Seattle: Univ. of Washington Press, 2018. 328 p.
- Zelinsky W.* The Uniqueness of the American Religious Landscape // *Geographical Review*. 2001. Vol. 91. № 3. P. 565–585.
<https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2001.tb00241.x>

Landscape Framework and Geography of Religion: A Terminological Aspect (a Case Study of Geographical Publications in English)

R. O. Poplavsky^{a,*}, F. S. Korandei^{b,**}, and M. S. Cherepanov^{a,***}

^a*Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Center, SB RAS, Tyumen, Russia*

^b*Tyumen State University, Tyumen, Russia*

**e-mail: roman.poplavskiy@gmail.com*

***e-mail: f.s.korandej@utmn.ru*

****e-mail: maximcherepanov@yandex.ru*

This article attempts to illustrate current approaches to the study of religious phenomena using the landscape framework. The authors identify similarities and differences in the interpretations of the most common terms used in foreign research to describe religion. The article shows that their semantic difference is mainly determined by their use as tools of either cultural geography or social anthropology. In particular, cultural geography focuses on the material objects of cultural landscapes and their geographical distribution, while social anthropology highlights specific features of people's religious discourse and practices and analyses social processes that shape the modern world landscape. The term *religious landscape* can be used in the following ways, depending on how it is operationalized. First, it refers to the totality of material objects associated with religion. Secondly, it refers to the places where rituals take place. Finally, it refers to the territory in which followers of particular religious traditions live. The term *religiopause* implies a situation of conflict or complementary interaction between followers of different religions sharing the same space. *Sacred landscape* is sometimes applied as a synonym for the term *religious landscape* meaning a set of religious material objects. Sometimes it means a complex of natural places or objects of worship (mountains, hills, swamps, and others) that provides a general framework for various individual religious landscapes within it. The term *sacroscape* refers to the historically formed material manifestations of religiosity influencing both contemporary people and earth's surface. The term *spiritual landscape* has several basic meanings. On the one hand, it is used as a synonym for *religious landscape* or *sacred landscape*. Secondly, it serves as a broader, generalizing term to describe all aspects of human interaction (ideas, objects, practices) with the supersensible world. Finally, the term *spiritual landscape* refers to spaces of not only ritual but also everyday practices.

Keywords: landscape studies, cultural landscape, religious landscape, sacred landscape, spiritual landscape

REFERENCES

- Allerton C. Introduction: Spiritual Landscapes of Southeast Asia. *Anthropol. Forum*, 2009, vol. 19, no. 3, pp. 235–251. <http://doi.org/10.1080/00664670903278387>
- Anttonen V. Landscapes as Sacrosapes: Why Does Topography Make a Difference. In *Sacred Sites and Holy Places. Exploring the Sacralization of Landscape Through Time and Space*. Nordeide S.W., Ed. Turnhout: Brepols, 2013, pp. 13–32. <http://doi.org/10.1484/M.SEM.1.101564>
- Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation*. Delhi: Oxford Univ. Press, 1997.
- Bobrov I.V., Cherepanov M.S. The Muslim Landscape of Tyumen Region: Places, Size, and Socio-Demographic Composition of Urban Prayer Meetings. *Islamoved.*, 2019, no. 4, pp. 46–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-193-203>
- Bovensiepen J. Spiritual Landscapes of Life and Death in the Central Highlands of East Timor. *Anthropol. Forum*, 2009, vol. 19, no. 3, pp. 323–338. <https://doi.org/10.1080/00664670903278437>
- Büttner M. On the History and Philosophy of the Geography of Religion in Germany. *Religion*, 1980, vol. 10, no. 1, pp. 86–119. [https://doi.org/10.1016/0048-721X\(80\)2990029-9](https://doi.org/10.1016/0048-721X(80)2990029-9)
- Chenoweth J.M. Reconstructing a Changing Religious Landscape: The Material Traces of Barbados Quakers, 1655–1800. *Int. J. Hist. Archaeol.*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 462–495. <https://doi.org/10.1007/s10761-018-0475-0>
- Deffontaines P. The Religious Factor in Human Geography: Its Force and Its Limits. *Diogenes*, 1953, vol. 1, no. 2, pp. 24–37. <https://doi.org/10.1177/039219215300100203>
- Dunn K., Piracha A. The Multifaith City in an Era of Post-secularism: The Complicated Geographies of Christians, Non-Christians and Non-faithful Across Sydney, Australia. In *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. Brunn S.D., Ed. New York: Springer, 2015, pp. 1635–1654. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9376-6_86
- Dwyer R. The Swaminarayan Movement. In *South Asians in the Diaspora: Histories and Religious Traditions*. Jacobsen K.A., Kumar P.P., Eds. Leiden; Boston: Brill, 2004, pp. 180–199.
- Fickeler P. Fundamental Questions in the Geography of Religions. In *Readings in Cultural Geography*. Mikesell M., Wagner P., Eds. Chicago: Chicago Univ. Press, 1962, pp. 94–117.
- Furseth I., Ahlin L., Ketola K., Leis-Peters A. Changing Religious Landscapes in the Nordic Countries. In *Religious Complexity in the Public Sphere*. Furseth I., Ed.

- London: Palgrave Macmillan Cham, 2018, pp. 31–80.
https://doi.org/10.1007/978-3-319-55678-9_2
- Gorokhov S. Confessional geospace as an object of study of geography of religions. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2014, no. 2, pp. 21–30.
- Gorokhov S. Geography of Religion in Russia and Abroad: The History of Development and the New Challenges. *Vopr. Istorii Estestvozn. Tekh.*, 2019, vol. 40, no. 3, pp. 439–467.
<https://doi.org/10.31857/s020596060005925-9>
- Gunzburg D., Brady B. *Space, Place, and Religious Landscapes: Living Mountains*. London: Bloomsbury Publ., 2021.
<https://doi.org/10.5040/9781350079915>
- Hacket C., Stonawski M. *The Changing Global Religious Landscape*. Washington: Pew Research Center, 2017.
- Hadži Muhamedović S. *Waiting for Elijah. Time and Encounter in a Bosnian Landscape*. New York; Oxford: Berhahn Books, 2018.
<https://doi.org/10.3167/9781785338564>
- Havlíček T., Klingorová K. City with or without God? Features of post–secularism in religious landscape of post-communist Prague. *Soc. Cult. Geogr.*, 2017, vol. 19, no. 6, pp. 789–811.
<https://doi.org/10.1080/14649365.2017.1312696>
- Hayden R., Walker T.D. Intersecting Religioscapes: A Comparative Approach to Trajectories of Change, Scale, and Competitive Sharing of Religious Spaces. *J. Am. Acad. Relig.*, 2013, vol. 81, pp. 399–426.
<https://doi.org/10.1093/jaarel/lft009>
- Ierotopiya. Sravnitelnye issledovaniya sakral'nykh prostranstv* [Hierotopy. Comparative Studies of Sacred Spaces]. Lidov A.M., Ed. Moscow: Indrik Publ., 2009. 372 p.
- Inniger M.G., Vorster J.M., Rheeder R. Changing Religious Landscapes Challenge Confession–Based State Policies on Religion. *In die Skriflig / In Luce Verbi*, 2020, vol. 54, no. 1, pp. 1–10.
<http://doi.org/10.4102/ids.v54i1.2527>
- Jiménez–Higuera Á. *The Sacred Landscape of Dra Abu el–Naga During the New Kingdom: People Making Landscape Making People*. Leiden: Brill, 2020.
- Kilde J.H. Thinking about Religious Space: An Introduction to Approaches. In *The Oxford Handbook of Religious Space*. Kilde J.H., Ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2022, pp. 1–22.
- Koch N., Valiyev A., Zaini K.H. Mosques as Monuments: An Inter–Asian Perspective on Monumentality and Religious Landscapes. *Cult. Geogr.*, 2018, vol. 25, no. 1, pp. 183–199.
<https://doi.org/10.1177/1474474017724480>
- Kong L. Mapping “New” Geographies of Religion: Politics and Poetics in Modernity. *Prog. Hum. Geogr.*, 2001, vol. 25, no. 2, pp. 211–233.
<https://doi.org/10.1191/030913201678580485>
- Kong L. Global shifts, theoretical shifts: changing geographies of religion. *Prog. Hum. Geogr.*, 2010, vol. 34, no. 6, pp. 755–776.
<https://doi.org/10.1177/030913251036260>
- La montaña en el paisaje ritual*. Broda J., Iwaniszewski S., Montero A., Eds. México: CONACULTA INAH, 2001.
- Levine G. On the Geography of Religion. *Trans. Inst. Br. Geogr.*, 1986, vol. 11, no. 4, pp. 428–440.
<https://doi.org/10.2307/621934>
- Maddrell A., della Dora V., Scafi A., Walton H. *Christian Pilgrimage, Landscape and Heritage: Journeying to the Sacred*. New York: Routledge, 2015.
<https://doi.org/10.4324/9780203751893>
- McAlister E. Globalization and the Religious Production of Space. *J. Sci. Study Relig.*, 2005, vol. 44, no. 3, pp. 249–255.
<https://doi.org/10.1111/j.1468–5906.2005.00283.x>
- Miles–Watson J. *Christianity and Belonging in Shimla, North India. Sacred Entanglements of a Himalayan Landscape*. New Delhi: Bloomsbury Academic, 2021.
<https://doi.org/10.5040/9781350050204>
- Moazzen M. *Formation of a Religious Landscape. Shi'i Higher Learning in Safavid Iran*. Leiden: Brill, 2018.
- Mu Y., Nepal S.K., Lai P.H. Tourism and Sacred Landscape in Sagarmatha (Mt. Everest) National Park, Nepal. *Tour. Geogr.*, 2019, vol. 21, no. 3, pp. 442–459.
<https://doi.org/10.1080/14616688.2018.1558454>
- Obadia L. Spatial Turn, Beyond Geography: a New Agenda for Sciences of Religion? *Int. Rev. Sociol.*, 2015, no. 2, pp. 200–217.
<http://doi.org/10.1080/03906701.2015.1039269>
- Ostrovskaja E.A., Alekseeva E.V. Structured Observation as a Method for Studying the Religious Landscape. *Monit. Obshch. Mneniya: Econ. Sots. Peremeny*, 2018, no. 2, pp. 71–115. (In Russ.).
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.04>
- Park C. *Sacred Worlds. An Introduction to Geography and Religion*. London: Routledge, 1994.
<https://doi.org/10.4324/9780203421055>
- Pennick N. *Celtic Sacred Landscapes*. London: Thames and Hudson, 1996.
- Peres Prieto M.F., de Oliveira A.B., Leão F.C., Vallada H., Moreira–Almeida A., Lucchetti G. Religious Landscape in Brazil: Comparing Different Representative Nationwide Approaches to Obtain Sensitive Information in Healthcare Research. *SSM – Population Health*, 2018, no. 6, pp. 85–90.
<https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2018.08.007>
- Pitkin A. Sustaining the Sacred Mountains: Tibetan Environmentalism and Sacred Landscape in a Time of Conflict. In *Volume II. Intellectual History of Key Concepts*. Scott G.A., Travagnin S., Eds. Berlin: De Gruyter, 2020, pp. 181–208.
<https://doi.org/10.1515/9783110547825-010>
- Pluskowski A., Valk H., Szczepański S. Theocratic Rule, Native Agency and Transformation: Post-Crusade Sacred Landscapes in the Eastern Baltic. *Landscapes*, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 4–24.
<https://doi.org/10.1080/14662035.2018.1561009>
- Robson J. Power of Place: The Religious Landscape of the Southern Sacred Peak (Nanyue) in Medieval China. Cambridge; London: Harvard Univ. Asian Center, 2009.
<https://doi.org/10.2307/j.ctt1x07vr3>
- Poplavsky R.O., Cherepanov M.S., Bobrov I.V., Shisheliakina A.L. The Protestant landscape of the Tyumen

- Region: locations, size, and demographic composition of urban church meetings. *Vestn. Arkheol., Antropol. Etnogr.*, 2022, no. 2, p. 191–201. (In Russ.).
<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-15>
- Sacred Sites and Holy Places. Exploring the Sacralization of Landscape Through Time and Space.* Nordeide S.W., Ed. Turnhout: Brepols, 2013.
- Scheitle C.P., Finke R. *Places of Faith. A Road Trip Across America's Religious Landscape.* Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Setiadi H. Islam and Urbanism in Indonesia: The Mosque as Urban Identity in Javanese Cities. In *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics.* Brunn S.D., Ed. New York: Springer, 2015, pp. 2415–2438.
https://doi.org/10.1007/978-94-017-9376-6_127
- Sidorov D. Changing Russian Orthodox Landscapes in Post-Soviet Moscow, in *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics.* Brunn S.D., Ed. New York: Springer, 2015, pp. 2453–2472.
https://doi.org/10.1007/978-94-017-9376-6_129
- Streletsky V., Gorokhov S. Cultural Geography in Russia in the Early 21st Century: Current State and Key Research Areas. *Reg. Res. Russ.*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 67–79.
<https://doi.org/10.1134/S2079970522020083>
- Takahashi S. Image of the Religious Landscape in the USSR in 1965-1985 (on the Example of the Solovki Museum-Reserve). *Vestn. Evrazii*, 2008, no. 4, pp. 9–26. (In Russ.).
- The Changing Religious Landscape of Europe.* Knippenberg H., Ed. Amsterdam: Het Spinhuis, 2005.
- Turner B.S. Religion and Politics: Nationalism, Globalisation and Empire. *Asian J. Soc. Sci.*, 2008, vol. 34, no. 2, pp. 209–224.
<https://doi.org/10.1163/156853106777371175>
- Tweed T.A. *Crossing and Dwelling: A Theory of Religion.* Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2008.
- Vermander B., Hingley L., Zhang L. *Shanghai Sacred: The Religious Landscape of a Global City.* Seattle: University of Washington Press, 2018.
- Wanner C. New Religious Movements and “Alternative Morality” in Ukraine. In *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste* [The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. Kormina Zh., Panchenko A., Shtyrkov S., Eds. St.-Petersburg: Izd-vo Evrop. Univ., 2015, pp. 214–232. (In Russ.).
- Zelinsky W. The Uniqueness of the American Religious Landscape. *Geogr. Rev.*, 2001, vol. 91, no. 3, pp. 565–585.
<https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2001.tb00241.x>